

САША АТУМ

КОТЫ ПОГИБАЮТ
В ТЕНИ

Саша Атум

Коты погибают в тени

«АСТ»

Атум С.

Коты погибают в тени / С. Атум — «АСТ»,

Привет. Уже 1943 год. Её присутствие в моей жизни по-прежнему не даёт мне покоя. Она смотрит так, что человек не выдержит. Человек ли я теперь? Сегодня ночью я отдыхал: мне не снились сны. Но, проснувшись, я почувствовал, что меня замкнуло. Если бы я стоял – то упал бы, только я лежал. Оно к худшему. Падать я уже не боюсь – моё сердце в таких ужасных и глубоких шрамах, что оно теперь просто насос для перекачки крови. Обшивка моя цела – она позаботилась об этом: я не на фронте. Вот это точно к худшему. Прости, нужно ехать. Меня ждут. Надеюсь, во время этой поездки всё наконец-то закончится.

© Атум С.

© АСТ

Глава 1. Не стал

Горький запах полыни исчезает из моего измученного сознания.

Голова, набитая комом мыслей, от которых она давно устала, падает на плечо. Я тяжело вздыхаю, и дым продолжает просачиваться в мои ноздри, но он далёк. Я рад, что хоть где-то могу избавиться от этого.

Во сне мне слышится маршевый ритм, и в голове сразу встаёт моя Германия, мой Берлин. Не тот Берлин, что я видел перед отъездом – ещё целый, но уже тихий и покоящийся в руинах. А тот, что я видел ещё в детстве, в конце двадцатых – начале тридцатых годов, когда он ещё не был насквозь пропитан каким-то страшным и искажённым фашизмом, который мы превратили в нацизм.

Это было то мирное время, когда я чувствовал сладкий запах, льющийся из Берлинских садов, где росли яблони, груши и ещё не познавшие печали ивы. Когда газоны были зелены, и не слышались в шуршании травы тихие мольбы, которые до нас донёс ветер из дальних покорённых и униженных стран. Когда на терновых кустах не показывались и исчезали капельки крови, а на крышах невысоких домов не виднелись нимбы отвернувшихся от Германии и её союзников святых.

Звёзды в те прохладные ночи зажигались с тихим ударом по маленькому колокольчику, и я мог уйти гулять с другими детьми на утопавшие в блеклых цветах и плюще каменные руины, стоящие на вершинах холмов, и не знать, как уныло выглядит мир где-то далеко-далеко, став местом войны и хаоса.

Из лавок с манящими вывесками доносился терпкий, густой аромат каких-то трав, который сейчас напоминает мне волшебство моего детства. Ту самую загадку, которую я до сих пор не разгадал – когда всё началось, лавки закрылись, и я так и не узнал, что это были за травы со столь магическим ароматом. Вернувшись домой, я бы засушил их и поставил в простую белую вазу, чтобы хоть где-то в этом мире оставалось волшебство.

Тогда я брал палки и дрался с мальчишками, воображая себя самым смелым рыцарем из всех, что когда-либо существовали во всей Вселенной. Я прятался с ними в моренах, представлял, что наша река – распутное море, с обманчиво-нежной пеной на берегах. Мы видели с ними прекрасных океанид, подмигивавших нам из воды своими светло-светло голубыми мерцающими глазами.

Мы видели во всём нежность и величие, гордились, что по нашим венам течёт горячая кровь, согревающая наши молодые сердца, готовые к подвигам. Ну разве может быть гордость грехом, думали мы, лёжа на траве, подставив лицо ветру и шуря глаза на солнце. А рядом было гранатовое дерево, из-за которого мы были частично в тени – мы срывали с него плоды и представляли, что это и есть тот самый неизвестный нам ещё вкус любви.

Любили мы волновать своих отцов и матерей – уходили к руинам на ночь глядя, стаскивали ветки в кучу и поджигали их. Ночь опускалась на нас, но вместо тяжести мы чувствовали лёгкость и свежесть. Луна дарила нам чувство присутствия богов, мрачных, измождённых чем-то непосильным, и по-своему одиноких.

Один из нас доставал свирель, играл на ней, и мы, глядя на слабые, едва греющие наши тела язычки пламени, представляли, как сидим мы посреди леса, и подкрадываются к нам сзади раскосые дриады, фавны и кентавры, и что шелохнёмся мы – и все они бесшумно шагнут назад, в одинокую темноту леса. В детстве все мы вбирали в себя искры, которые должны были поддерживать огонь любви в наших ещё маленьких сердцах.

Мой отец всегда искал нас в такие ночи. Находил он нас со злобным блеском в глазах, но услышав мелодию свирели, всегда успокаивался, тихо подходил к нам и бесшумно садился рядом, задумчиво глядя на костёр. Так мы и сидели до самого утра. Изредка отец рассказывал нам какие-нибудь истории – и придуманные, и из своей жизни. Ему нужно было становиться

сказочником, говорили мы между собой, когда в следующий раз брали палки и убегали загород, навстречу падающему солнцу, и всё сильнее мерцающему серпу луны.

Берлин был другим городом с другими людьми.

Мы с отцом были на военном параде – небольшом, особенно мне это кажется сейчас, когда я стал офицером. Солнечные лучи, яркие, прямые, сходят на нас с неба как вечно молодые руки матери, отдающих своим детям светлый дар, который нужно было беречь в своих сердцах и никогда, никогда не терять.

Над нами летали военные самолёты, впереди нас шагали солдаты, глядевшие вперёд, и их движения и глаза были подобны бездушным куклам. Лишь изредка, в уставших глазах читалось то, что до недавнего времени я не понимал. Стыд, отвращение и отражение давно потухшего сердца, скованного скрытой в глубинах, в самых-самых мрачных глубинах души, страхом. Я не видел этого в детстве, но сейчас я точно уверен – руки, державшие оружие, руки, убивавшие этим оружием людей из-за своей ничтожности и слабости – всегда дрожат. Вместе с их душами, запертыми в клетках их безвольных тел – просто костей, мяса и мышц.

Тогда, под этот марш отец сказал мне: война – это лишь ещё один способ убийства.

Я смотрел в его светло-зелёные, бледноватые глаза. Как они были прищурены, я помню до сих пор – в них было не презрение, а жалость к этим «детям войны». Тогда, когда мне было так мало лет, всё, что я смог сделать, это подняться на цыпочки, и, заглянув отцу в глаза, спросить:

– Война – это омерзительно?

Солнце светило очень ярко, посреди ясного голубого неба летали выпущенные детьми и взрослыми ярко-жёлтые шарики. Они были уже далеко-далеко, и теперь уже казались маленькими пятнышками посреди бесконечной голубизны. На небе – ни облачка. Это был последний мой день, когда я замечал, что небо – голубое, а солнце светит так ярко, что слезятся глаза, если на него смотреть. Я больше не вкушу вкус граната, так и не познав любви, и не почувствую за своей спиной дыхание ласковых дриад. Не представлю реку пенистым морем, и никогда мой друг больше не сыграет для меня на свирели.

Отец улыбнулся. Слабо, очень слабо, уголки его губ дрожали. Он опустил на меня свой жалостливый взгляд, который вмиг наполнился любовью, и его руки потрепали мои волосы. Я видел сетку из морщин на его лице – уже не только мимических, но и возрастных. Он был стар, морщинист, и оттого казался мне мудрейшим из всех людей.

– Смышлёный мальчик, – он постарался засмеяться, но получилось, что он лишь гаркнул.

Я посмотрел на марширующих людей, на восхищённую толпу. Мужчины сажали на плечи белокурых девочек, глядевших на марширующих солдат с какой-то животной страстью, неестественной и уже тогда противной мне. Это было что-то животное и неестественное, глубинное, живущее в каждом из нас и специально спрятанное туда истинным человеческим сознанием. То высокое, что делает нас людьми, специально прячет в нас такие вещи, но, к сожалению, человек слаб, так слаб, что здесь нечего даже сказать.

Так же глядели и взрослые – только с ещё большим восторгом, словно они понимали что-то, чего не знаю я. Я видел лишь то, что всё, что творится внутри них – одна большая, фатальная ошибка Бога. Непоправимая, губительная – я не понимал тогда, что это такое, но мне всё равно смиренно, стыдливо хотелось опустить взгляд.

– Это похоже на плацдарм, – сказал я, чувствуя, что дрожу и прижимаясь к отцу. Его пальцы крепко сжали моё плечо. Такие тёплые, мне казалось, их достаточно, чтобы защитить меня от всей этой мерзости.

С тех пор не было ярких солнечных дней. С тех пор святые на крышах уже стояли полуотвернувшись от Германии.

При мне, во время парада, на серую штукатурку домов, детишки в смешных кепках развешивали агитационные плакаты, из которых я запомнил лишь один – *Tod der Lüge*.

На том плакате жилистая рука мужчины стискивала змею, которая шипела на него, а значит, ещё была жива. Теперь, во сне, я вижу, что у неё мои глаза.

Я больше не хотел спать – знал, что увижу дальше. Мучал себя, стараясь проснуться, но сон не отпускал меня.

Я видел его. Его пальцы, готовые всегда меня защитить, его глаза, ещё не готовые меня простить... Но я верил и знал, что он простил меня за всё, ведь такой он был человек.

Меня кидает в жар. Я чувствую, что моё тело, доселе парализованное сном, выгибает спину, что мои пальцы впиваются в сиденье машины, что плечи задевают сидящих рядом офицеров.

Я не могу смотреть в его зелёные глаза, они моё спасенье, но они же – мой крест.

В тот день не было дождя, сильного ветра, солнца или туч. Мне казалось, что тогда не было вообще ничего. Только тёмно-серые пустые улицы, кривые ухмылки на ярких плакатах и спрятавшиеся от чего-то люди. Я не понимал, почему так было. Перед моими глазами ветер, который я не чувствовал, куда-то уносил скомканные газеты, и я не мог даже прочитать, что там было. Видел лишь фото невысокого темноволосого человека, стоящего выше всех. Этот образ, образ фюрера смешался у меня в голове со всеми ужасами войны, формируя внутри мозга комок из грязи и пороков.

Я заглядывал между домами, в окна, и не видел никого и ничего, кроме странной пустоты. Мне не было страшно лишь потому, что я чувствовал, как эта пустота просачивается в меня – мой детский разум, невинный и чистый, чувствовал её, отторгал. Мой разум боролся, оттого я и не чувствовал нарастающий вокруг страх.

Я чувствовал, что сердце моё бьётся ровно, но сильнее, чем прежде. В очередной раз я встал на цыпочки, заглядывая в окно, и увидел, что оно было вовсе занавешено. Но там, в отражении я увидел то, отчего в груди у меня закололо. Я быстро, ничего не осознавая развернулся и побежал по другой улице, к тому месту, где лежал мальчишка, такой же храбрый рыцарь, как и я. Он лежал, тяжело дыша, отхаркиваясь кровью, и держал свою маленькую ручку на животе. Я подбежал и упал рядом с ним, а он смотрел на меня. Ещё живой, умирающий долго и мучительно. Я не мог говорить – я онемел, держал его леденеющие руки и плакал. Я хотел кричать, запрокинул голову, но не смог. Меня знобило и трясло, и казалось, что по небу, на цвет которого я даже не обратил внимания, летят вместо облаков крылатые ангелы. Летят и не спускаются, чтобы помочь моему другу, храброму рыцарю.

Я завыл. Тоскливо, протяжно, солёная вода капала на мои губы и я чувствовал вкус своей печали. Моя первая боль. Это одно из тех страшных воспоминаний, которые нельзя забыть никогда. Из-за него всю жизнь, в самые неожиданные моменты что-то будет болеть в груди.

Стиснув зубы, я опустил голову, и слёзы вмиг прекратились литься. Что-то сверкнуло в глазах рыцаря – он сказал мне твёрдым голосом: не кричи. Так и застыл, глядя на меня широко раскрытыми глазами.

Я бежал. В ужасе я бежал так, как только мог. В боку кололо, глаза не видели из-за слёз, но я бежал домой. Я чувствовал, как жжёт мне сердце, как горячая вода из глаз стекает по щекам, и щиплет мои царапинки, которые я недавно получил в бою на палках, под гранатовым деревом нашей детской любви.

Я очень быстро добежал до дома – открыл дверь и почувствовал сладковатый запах, в котором чувствовался лёгкий запах мокрого железа. Пытаясь отдышаться, я схватился за колющий бок и прошёл в зал. Тяжёлые шторы закрывали вид из окна, и в зале было очень темно – мне казалось, что всё очень и очень серое. Так и было бы, если бы не её волнистые яркомедные волосы по плечи и огромная лужа крови на белом старом ковре.

Она стояла в военной форме, очень высокая, и через плечо, не оборачиваясь, взглянула на меня. Глаза – такие же серые и безжизненные, как зал, обожгли меня, проткнули меня сотнями кинжалов, и я остановился.

Круглое лицо, пухленькие щёчки – ей нужно быть на плакатах. Исключительно на военных плакатах, которые стали развешивать с того самого дня парада.

В боку мгновенно перестало колоть. Я не оглядывал зал, потому что стоило той женщине пронзить меня взглядом, как мои глаза приковались к картине, вызвавшей у меня мерзкий холодок.

Сбоку от меня испуганная, забившаяся в угол, как мне тогда казалось, умирающая от горечи, находилась мать. В углу темно, но в темноте её большие глаза сверкают от слёз, грудь тяжело подымается от рыданий, а на руках её – тело моего отца.

–Mein Vater¹¹! – Я захлёбываюсь от слёз. Я кричу.

Чувствуя, как полыхает внутри ад, как там всё рушится, я прислонился к стене, боясь упасть. Моё лицо было сморщено от мук боли. На мои плечи опустилась тёплая рука рыжей женщины, улыбнувшейся мне. Пальцами другой руки она стиснула мне подбородок, заставляя меня смотреть на неё. Нет, она была даже не тёплая – горячая. Самая настоящая женщина, человек, из плоти и крови. Она дышит, видит, чувствует, мыслит – и это делало её в моих глазах отвратительной, мерзкой, непереносимой. Меня тошнило рядом с ней, мне хотелось уйти, от её взгляда меня выворачивало наизнанку – именно от того, что она, такая красивая, живая, вкусно-пахнущая, горячая, творит такие богомерзкие вещи. Это отвращение, этот страх тонкой иглой входил в мой разум, при взгляде на неё внутри все хорошие чувства моментально остывали. Это казалось страшным сном – настолько она вызывала невообразимые, противоестественные чувства. Одним своим видом она раскрывала мне тайный смысл всего злого, ловко вплетала его в мои поры. Она была не отсюда, не из этого мира – она была откуда-то снизу.

–Diese Verräter², – ещё шире улыбнулась она.

Я не смею называть его предателем. Предатель – это я.

Она говорила мне это каждый день. И даже когда она стала молчаливей, опасней – я всё равно видел это в её глазах.

Никогда я так больше никого ненавидел, как эту женщину. Она опустила на моё плечо и вторую руку, и когда я попытался вырваться, чтобы подойти к умирающему отцу, чтобы поймать его последний вздох, она до боли вцепилась в меня, и я закричал – закричал так громко, как только это было возможно. В ней, такой живой и прекрасной, не было ничего, хотя бы немного похожего на любовь или жалость.

Отец тяжело, прерывисто и часто дышит. Он смотрит на меня, то с ненавистью к боли, которую он получает, то с мольбой.

Женщина наклоняется ко мне, и я ухом чувствую её дыхание.

–Пойдёшь со мной – и она, – женщина кивком указала на мать, – будет жить.

Оцепенение, страх – вот что всколыхнулось во мне тогда. Отвращение.

Я не знал, соглашаться ли на предложение женщины. Отец так смотрел на меня... Хотел ли он, чтобы я жил вот так, как сейчас, вдаль от матери и с таким страшным грузом на сердце, или хотел, чтобы я не предавал его, мать и родину и умер с ним?

–Mein Vater... – по щеке моей стекает слеза. Я больше не вижу сияние глаз матери, не слышу её всхлипываний – она молчит, закрыла глаза.

Отец не может даже говорить – женщина выстрелила ему прямо в щёку, а затем и в живот. Рыжая женщина хотела, чтобы я истязал себя выбором, пока мой отец медленно, мучительно умирает. Она сделает то же с матерью и со мной, если я не соглашусь. Разве был у меня выбор?

–Mutter... Nicht weinen³...

Рыжая женщина, эта бестия, всё поняла. Револьвер, что был наготове всё это время, выброшен в окно, словно он был игрушечный. Словно несколько минут назад не он заставил мучительно умирать моего отца. У меня адски заболела голова – виски пульсировали с такой силой, что, казалось, мои мозги вот-вот покинут черепную коробку.

Кукольные реснички Аннамарии хлопнули – усмешка изуродовала её красоту, если это вообще было возможно.

Винит ли меня мать? Я пишу ей письма с фронта, но не получаю ответа. Рыжая женщина, Аннамария, так её звали, обещала, что с ней ничего не сделают.

Сколько раз я представлял тоскливыми вечерами, засыпал с мечтой, что когда я вернусь, мы заберёмся с матерью на крышу, и будем смотреть, как в небесах брезжит рассвет. Видеть её счастливое лицо и думать, что она никогда не постареет.

Я не стал самым смелым рыцарем. Я стал трусливым убийцей.

Глава 2. Я никогда не видел море

Мне было жутко тесно.

Мы ехали уже несколько часов, и всё это время я старался смотреть в окно впереди себя, потому что оно было единственным, где можно было что-то разглядеть. К тому же, это отвлекало меня от постоянно преследовавшей меня головной боли.

Лил противный дождь, размывший дороги, и грязь разлеталась от машины по сторонам.

Я ехал на заднем сидении, и по бокам от меня сидели ещё двое офицеров, жутко толстых. Я сидел между ними, стараясь не обращать внимания на жуткий запах их пота и неделями невымытых тел. Один из них, тот, что был справа, был очень уж сильно похож на свинью – с маленькими глазками, бочкообразным телом и огромными розовыми щеками. Он что-то говорил водителю, открывая свои сухие потрескавшиеся губы, и запах из его рта – запах гнили и дорогого табака – разносился по всему салону. Второй же офицер явно был иностранцем, говорил с акцентом и вечно хлопал меня по плечу. Как и слова первого, я совершенно не слушал, что он мне говорит.

На переднем сидении, рядом с водителем, спала Аннамария. Её волосы, всё такие же короткие, были как всегда аккуратно уложены. Они вечно переливались ярким золотом на солнце, так, что мне приходилось жмуриться. Она была немногословна – я не знал даже, сколько ей было лет, хотя выглядела она, сколько себя помню, лет на двадцать пять, не больше. Словно и не знала, что такое старость.

К Аннамарии я испытывал смешанные чувства. Я старательно убивал в себе эту смесь омерзения и...

Это была очень красивая и опрятная женщина, яркая, но холодная и высокомерная. Она почти никогда не проявляла эмоций, по отношению ко мне могла лишь изредка издеваться и, как мне казалось, прекрасно знала о моих к ней чувствах. Ещё – она часто шурилась, будто подозревала что-то.

Вообще вся Аннамария – ком противоречий. Её внешность никогда не гармонировала с её внутренним миром. Иногда мне казалось, что внутри неё лишь пустота, чёрная, бесконечная, страшная – я даже видел это иногда. Да-да, когда она сидит, смотрит тебе в глаза, и чёрные бездны зрачков смотрят в тебя. Неживые, бесчувственные, без эмоций – просто две чёрные дыры, без света. Даже когда она настигала свою жертву, пыталась её, вырывая из неё всё самое сокровенное, она оставалась холодным неприступным камнем.

Я никогда не знал, с чем можно сравнить её глаза – но однажды ко мне в голову пришла мысль, что это можно сделать с серебром. С этим серым металлом, который для меня всегда был холоден. Холоден и дешёв, как ни крути.

Ходила она всегда бесшумно, что очень пугало нас всех. С собой она всегда носила какой-то тонко-ощущающийся голодный страх. Её щёки всегда горели алчным огнём.

В полный голос она говорила, лишь когда я был маленьким, но после всегда и со всеми говорила лишь шёпотом. Как ни странно, все и всегда слышали её короткие фразы.

Несмотря на то, что она опекала меня в недолгий отрезок моего детства, учила стрелять, исполнять приказы, и не смотря даже на то, что изредка я питал к ней страсть – я ненавидел

её. Ненавидел всем сердцем, потому что любовь всегда была сильнее зла. Любовь к *mein Vater* не давала мне заходить далеко, и она всегда, каждый чёртов день, пробуждала во мне острое желание медленно ломать её пальцы, слышать её крики, и долго мучать её за всё то, что натворила она со мной. Не знаю, насколько ужасны должны быть пытки, чтобы разорвать сердце такого чёрстового человека. Но сколько раз я рисовал в своей голове образы её мук! Стены самой толстой церкви задрожали бы от страха и ужаса, какие муки я готов был заставить её испытать.

Даже сейчас, я ехал – восхищался, и тут же проклинал и её и себя. Опускал свою руку на револьвер, поглаживая его и мечтая прямо сейчас поднять его и выстрелить ей в голову, пока она спит. Она напоминала мне без урожайную осень – яркую, но гнилую и не дающую ничего, кроме меланхолии и простуды.

Я тяжело вздохнул, переведя взгляд с Аннамарии вперёд. Дождь прекратил лить, и видимость улучшилась. Теперь я мог разглядеть впереди деревянные дома. Значит, это была очередная деревня.

Всего за несколько лет мы изъездили не один десяток таких мест. Аннамария специально забрала меня с фронта, чтобы я мучился рядом с ней – так всё и происходило. Я был сломлен. Я видел искорёженных, словно ненужный металл, людей. Я упал на самое дно этой жизни, я не видел своего лица в отражении, я не знал, цвета чего мои глаза. Плач за стеной, изогнутое тело на кушетке, сжимающие простынь пальцы – как же страшно убивать бездействием. Я считал себя ошибкой Бога – он не мог создать такое уродливое богомерзкое чудовище. Мне часто снилось, как с меня сдирают кожу, а за ней оказывался совершенно иной человек. С белоснежной кожей и чистыми мыслями.

Но сейчас – сейчас, к сожалению, за моей кожей по-прежнему прячусь лишь я.

Аннамария зашевелилась, и двое офицеров вдруг примолкли, ожидая, что та проронит хоть словечко. Но она лишь прикрыла глаза и сонно смотрела вперёд. Я сдержался, чтобы не улыбнуться – сейчас она не казалась мне такой уж недоступной женщиной, всего лишь простая немка. Хотя, на счёт последнего я уверен не был.

Зеркало заднего вида стояло на приборной панели, и она, смотря на него, обратилась к офицеру-иностранцу.

– Не знаете – старик ещё здесь? – несмотря на шум, который был от машины, её шёпот отчётливо услышали все, кто в ней находился.

У меня чуть сердце не остановилось, когда она сделала это. Из-за того, что она смотрела в зеркало, я не сразу понял, к кому она обращается. Я думал, что она смотрит на меня, и готов был этому безумно обрадоваться.

Иностранец кивнул, мило улыбнувшись Аннамарии, но она лишь подняла взгляд с зеркала, устремив его вперёд. Я ухмыльнулся – ведь изначально было понятно, что эти офицеры стараются ей угодить. А не получилось у них разжечь огонь в сердце моей каменной женщины.

Моей. Я мысленно ругал себя за такую оплошность, которую замечаю за собой уже не в первый раз. Ухмылка мигом сползла с моего лица, и с кислой рожей я посмотрел на иностранца.

– Что ещё за старик? – Мой унылый вид явно привёл иностранца в недоумение.

– Шаман, – ответил он, удивляясь такому резкому скачку в моём настроении.

– Да не шаман это вовсе. А старик с седой бородой, возомнивший себя языческим старцем, – сказал офицер, похожий на свинью.

– Старец и шаман – разные вещи, – задумчиво произнёс я, совершенно не собираясь доносить это до остальных, – Чем он заинтересовал *mein lieber*⁴?

Я опустил взгляд, коря себя, а Аннамария словно и не заметила этого обращения, и, глядя впереди себя, ответила:

– Сказками.

В салоне повисло молчание, которое прервал водитель.

– Убогая Россия, – с унынием сказал он, ссутулившись за рулём.

Аннамария бросила на него задумчивый взгляд своих полу прищуренных глаз, и на её лице блеснуло что-то зловещее.

Все мы сразу отвлеклись от разглядывания дороги в окно, глядя на неё. Она поджала губы, не сводя глаз с водителя. В машине откуда-то дуло, и неприятный ветер трепал её аккуратные локоны, оттого казалось иногда, что в глазах её полыхают огоньки.

– Вы только посмотрите, – сказал иностранец, глядя на старика, бредущего в деревню и тащившего за собой огромную самодельную коляску, – Весь грязный, в оборванной одежде, а какая измождённая плоть! Какой запах идёт от их деревни, буквально смрад...

Безразличные глаза Аннамари переместились с водителя на иностранного офицера, продолжавшего выражать своё презрение.

– Их умы черны и чудовищны...

– А от тебя прёт мочой и потом, – спокойно сказала она.

Я косо взглянул на побледневшего офицера, который вмиг умолк и непонимающе смотрел на женщину. Он подпрыгнул на кочке, а дальше дорога пошла ровной и аккуратной, несмотря на то, что её должно было прилично размыть. Аннамария откинулась на сиденье, голова её чуть наклонилась в бок. Она то прикрывала глаза, то медленно открывала их с выражением лица, которого я никогда у неё не видел. А точнее, оно совсем потеряло своё выражение – это было не безразличие, а что-то среднее между задумчивостью, грустью и далеко-далеко витающими мыслями, словно её здесь нет. Оттого её серые глаза показались мне ещё более пустыми и бездушными, чем прежде – слишком неестественны для неё были какие-либо чувства. Настолько, что я даже запомнил этот момент – такого на моей памяти ещё не было. На миг мне показалось, что она ожила изнутри.

От созерцания этого непонятного мне создания меня отвлек шум, доносившийся впереди. Вытянув шею, я увидел, что мы подъехали к огромной толпе людей, которые то вскрикивали, то с упоением, как замороженные, слушали что-то.

Водитель остановил машину, и все мы, кроме водителя, поспешно вышли. Офицеры поморщили носы, отчего стали ещё более отвратительны на вид, а лицо Аннамари на секунду вновь отразило странные эмоции.

Теперь, когда мы вышли из салона машины, я мог увидеть гораздо больше. Эти люди были немецкими солдатами, и смотрели они на небольшую деревянную сцену.

На сцене находилось всего два человека – пианист, играющий на старом-престаром фортепиано, дребезжащем время от времени и расстроенным настолько, что некоторые клавиши издавали сразу по несколько звуков, чаще всего секунд, что прилично раздражало слух. Второго человека разглядеть пока было очень сложно, но я заметил, что он был стар и слаб.

Иностранный офицер остался за толпой, а мы втроём начали протискиваться сквозь толпу солдат. Кто-то, замечая Аннамарию, сразу отходил с благоговейным ужасом, а кто-то настолько был увлечён происходящим на сцене, что не замечал нас.

По мере того, как мы приближались к сцене, я стал менять мнение о том, что услышал. Пианист хоть и играл на плохом инструменте, но, не смотря на это, держался с благородством аристократа. Он нагибал свой корпус к пожелтевшим клавишам, вновь выпрямлялся, замедлял волнующую мелодию, превращавшуюся в нечто меланхоличное, набирал темп, пародировав земную скорбь, превращая минорную мелодию в сатиру и насмешку. Но лишь одно выдавало мрачность мелодии – опускавшиеся секундой вниз две ноты, которые он повторял раз в несколько тактов, которые он иногда опевал, скрывая их настоящую сущность. Это было похоже на плач баниши, но не стоящих на одном месте, а прыгающих через костёр, с натянутой улыбкой и плавящимся от жара лицом. Я слышал музыку, и видел её мысли. Как горит листва, как бурлит жизнь в недрах земли, как кипит раскалённая магма внутри планеты, как

мои кости покрываются благоухающими цветами, как расплывается акварель в прозрачном стакане с водой. Вечность охватила меня, и я падал в неё, мягкую, утешающую и спокойную.

Я оставил позади себя Аннамарию и офицера, пытаюсь быстрее подойти к сцене, чтобы не упустить ни единой ноты и звука, как до меня начал доноситься ещё и голос, и я поднял свои глаза, встретившись со старцем взглядом.

Первое впечатление часто бывает обманчиво. Старый, слабый старец был с жестокими бледными, тусклыми зелёными глазами, длинными распущенными седыми волосами, и остроконечной, не менее длинной бородой. Он смотрел на нас глазами озлобленной голодной собаки, однако под грязью на лице я видел совершенно иного человека.

Старик зловеще ухмыльнулся, продолжая свой рассказ, который сливался с окончательно замедлившейся музыкой, в которой угадывались заморские и восточные мотивы, пародирующие морские волны. Его голос был властен, мощен и громок, и если б я не знал, что это лишь человек – я бы увидел в старце славянского бога, метавшего своим взглядом страх и муки. Я слушал, и боялся дышать.

«Я – тень вашего страха. Я – Харон.

И я широко улыбаюсь, глядя в ваши глаза. Моё лицо в морщинах, в глубине которых застыли все ваши тайные страхи. Моими волосами давно стала паутина, так похожая на мои когда-то серебристые густые пряди волос. На моих руках уже давно не обитают мозоли – они так истёрты, что видны кости пальцев и свисает с ладоней полу гнилое мясо, вокруг которого выются мелкие мухи. Моя кожа кажется прозрачной, хрупкой, тончайшей; царапины на ней – верх искусства лучших мастеров всех времён и народов. Моё сердце бьётся в ритм с волнами воды, что касается берегов, с которых я забираю вас день ото дня, час за часом. А светло-зелёные глаза – о, они молоды и прекрасны.

Я существую, чтобы забирать вас и вам подобных. Попав в мою лодку, вы думаете, что на свободе – впереди вас горы и широкая река. Но вы как всегда глупы и наивны. Здесь вы не услышите даже стук своего сердца: его больше нет в ваших телах. Даже оно покинуло вас. Тщательно спланированный спектакль давным-давно разорвал ваши души. Вы пропадаете, ваши суставы заменяются тонкими проводами, но время порвёт и их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.